

Ядро личности как аффективно-реляционно-символическая организация раннего опыта

В статье предлагается теоретическая рамка ядра личности как рабочего конструкта, обозначающего раннюю аффективно-реляционно-символическую организацию опыта, формирующуюся до становления устойчивой метарефлексии и сохраняющую значение в последующем психическом функционировании. Актуальность работы связана с тем, что исследования нейроразвития, раннего стресса, привязанности, ко-регуляции, символизации и нарративной организации накопили значительный материал о разных аспектах раннего опыта, однако уровень их совместной организации остаётся недостаточно разработанным. На основе теоретического анализа этих направлений обосновывается возможность выделения ядра личности как единицы анализа. В качестве оснований рассматриваются раннее формирование, структурная устойчивость, регуляторный приоритет при эмоциональной нагрузке, совместное проявление аффективных, реляционных и символично-репрезентативных компонентов, несводимость к смежным конструктам и специфическая логика изменения. Новизна предлагаемого подхода состоит не в утверждении самого влияния раннего опыта на дальнейшее развитие, а в описании формы его сохранения и воспроизведения как связанной аффективно-реляционно-символической конфигурации. Внутри неё различаются аффективно-телесный уровень, уровень ранней социальной организации и мифо-символический уровень. Их связывание рассматривается как теоретическая реконструкция возможной интеграции опыта, а не как эмпирически установленный механизм. Обозначены клинические и исследовательские следствия рамки, связанные с изучением совместной дезинтеграции и перестройки аффективных, реляционных и репрезентативно-символических компонентов опыта.

Ключевые слова: ядро личности, уровни психической организации, аффективная регуляция, привязанность, ко-регуляция, символизация, межуровневая интеграция, личностная организация

Введение

Проблема ранней организации опыта занимает важное место в современной психологии личности, клинической психологии и психологии развития. Исследования нейроразвития и раннего стресса описывают формирование аффективной регуляции; теория привязанности и

модели ко-регуляции показывают, как складываются ожидания доступности другого и внутренние рабочие модели отношений; исследования символизации, игры и нарративной организации позволяют описывать, как переживание получает образную, игровую и повествовательную форму. Однако эти направления преимущественно развиваются как относительно автономные исследовательские линии, тогда как вопрос об их совместной организации в раннем опыте остаётся недостаточно разработанным.

В психологии уже существуют различные структурные, уровневые и интегративные модели личности и индивидуальности. Однако в контексте настоящей работы существенным остаётся более узкий вопрос: можно ли рассматривать аффективные, реляционные и символично-репрезентативные аспекты раннего опыта как компоненты одной устойчивой конфигурации. Речь идёт не о самом факте влияния раннего опыта на развитие, а о форме его сохранения, воспроизведения и проявления в регуляции, отношениях и символическом оформлении переживания.

Клиническая и терапевтическая проблематика показывает важность такого уровня анализа. Это наиболее наглядно проявляется в случаях расхождения между вербализованной оценкой ситуации и фактическим способом реагирования: субъект может понимать, что ситуация не несёт угрозы, но телесно и эмоционально реагировать как на опасность; может осознавать, что отношения не разорваны, но переживать дистанцию как отвержение; может рационально пересматривать убеждение, но сохранять прежний аффективно-реляционный паттерн ответа. Такое расхождение указывает на необходимость анализа не только когнитивных содержаний, но и более ранней организации опыта, в которой аффект, ожидание другого и сценарная форма переживания связаны между собой.

Цель статьи - теоретически обосновать возможность выделения ядра личности как рабочего конструкта, обозначающего раннюю аффективно-реляционно-символическую организацию опыта. В рамках данной работы этот конструкт рассматривается не как уже эмпирически верифицированная модель личности, а как единица анализа, позволяющая описывать связность аффективной регуляции, реляционного опыта и первичного символического оформления переживания. Для достижения этой цели в статье рассматриваются три исследовательские линии, проводится сопоставление с существующими уровневыми и интегративными моделями личности, формулируются основания для выделения ядра личности как единицы анализа, описывается его внутренняя организация, а также обозначаются клинические и исследовательские следствия предлагаемой рамки.

Теоретический обзор объяснительных подходов и их ограничения

В данном разделе рассматриваются три исследовательские линии, необходимые для анализа ранней организации опыта: нейроразвитие и ранний стресс, привязанность и ко-регуляция, символизация, игра и ранние формы репрезентативной организации. Каждая из них описывает отдельный аспект раннего развития: формирование аффективной регуляции, становление ожиданий в отношении другого или первичное символическое оформление переживания. Задача обзора состоит в том, чтобы уточнить объяснительный вклад этих подходов и обозначить пределы каждого из них как самостоятельной линии анализа.

Нейроразвитие и аффективная регуляция

Исследования нейроразвития и раннего стресса показывают, что лимбические и стресс-регулирующие системы в раннем детстве обладают высокой пластичностью и чувствительностью к средовым воздействиям. В этот период калибруются параметры аффективной реактивности и чувствительность к сигналам угрозы и безопасности [Fageri & Tottenham 2016; Teicher et al. 2016]. Особенно значимым неблагоприятным фактором выступает депривация ожидаемого ухода со стороны фигуры заботы, связанная с изменениями траекторий развития миндалевидного тела и стриатума и с последующими когнитивными, поведенческими и социоэмоциональными последствиями [Fageri & Tottenham 2016]. Ранний стресс также связывается с нарушением формирования кортиколимбических контуров и с повышением уязвимости к последующей психопатологии [Goldstein Ferber et al. 2021]. Данные о мозжечке дополняют эту картину, указывая на его вклад в формирование ранних процедурных моделей регуляции и в аффективно-социальное функционирование через замкнутые кортико-церебеллярные контуры [Stoodley 2016]. Поскольку префронтальные механизмы созревают позже [Caballero et al. 2023], развитие регуляции носит асинхронный характер: по мере созревания фронтолимбических связей кортикальный контроль всё эффективнее модулирует эмоциональные реакции на угрозу, однако более ранние подкорковые контуры сохраняют значимую роль в аффективной оценке и организации ответа. Эти данные важны для настоящей работы как указание на ранние биологические и функциональные основания аффективной регуляции, которые продолжают участвовать в последующем психическом функционировании.

Вместе с тем подход нейроразвития не объясняет сам по себе, каким образом ранние регуляторные паттерны входят в структуру отношений и получают символическое

оформление. Поэтому он задаёт необходимый, но недостаточный уровень анализа ранней организации опыта.

Привязанность и внутренние модели отношений

Саморегуляция ребёнка формируется в процессе ко-регуляции со взрослым и постепенно становится более автономной. Невербальная синхронизация - мимика, просодия и ритм взаимодействия - организует довербальные формы общения и участвует в ранней intersубъективной настройке ребёнка и взрослого [Schoore 2021]. Современные модели ранней эмоциональной регуляции, в том числе в исследованиях аутизма, рассматривают детско-родительскую ко-регуляцию как ключевое условие становления саморегуляции, действующее как в непосредственном взаимодействии, так и через интернализацию повторяющегося опыта [Northrup et al. 2025].

В повторяющихся взаимодействиях ребёнок формирует ожидания доступности и отклика другого. Устойчивая ко-регуляция поддерживает переживание безопасности, тогда как её хроническая недостаточность повышает вероятность ожидания недоступности и небезопасности отношений. В теории привязанности это описывается через внутренние рабочие модели себя, другого и отношений - когнитивно-аффективные репрезентации, направляющие последующее поведение в близких отношениях [Bowlby 1982; Cassidy 2000; Luo et al. 2025].

Данные исследований привязанности позволяют рассматривать довербальные формы взаимодействия как значимый механизм ранней межличностной регуляции. В этом подходе ранние представления о себе формируются во взаимосвязи с опытом отношений со значимым другим, а регуляция аффекта оказывается связанной с ожиданием доступности, отклика и безопасности.

Вместе с тем классический подход привязанности преимущественно описывает реляционную организацию опыта. Он убедительно связывает ранние отношения с регуляцией аффекта, однако лишь частично проясняет, каким образом реляционно-аффективный опыт получает последующее символическое и сценарное оформление. Современные авторы также отмечают, что механизмы влияния ранней привязанности на последующее развитие остаются недостаточно специфицированными [Luo et al. 2025]. Поэтому подход привязанности задаёт реляционно-регуляторный уровень анализа, но не исчерпывает вопрос о его связи с символической организацией переживания.

Символизация, игра и нарративная организация опыта

Исследования ранней символизации позволяют обсуждать предпосылки более поздней сюжетной организации переживания, формирующиеся уже на доречевых этапах. В логике Д. Стерна более ранние формы доречевого и intersubъективного опыта не исчезают с появлением языка, а продолжают сосуществовать с более поздними символическими и нарративными формами переживания, что позволяет рассматривать символизацию как формирующуюся на основе уже структурированного intersubъективного опыта [Stern 1985]. Игра выступает одним из ключевых пространств, в которых переживание получает возможность оформляться и преобразовываться через символы, образы и роли [Winnicott 1971]. На уровне более поздней нарративной организации клинические данные также показывают, что нарушения нарративной идентичности при состояниях психотического спектра проявляются в дезорганизации жизненного повествования, снижении контекстной и временной когерентности, затруднении смысловой интеграции событий и их связи с текущим самопереживанием [Cowan et al. 2021]. Тем самым исследования символизации, игры и нарративной организации показывают, что переживание может получать образную, игровую и повествовательную форму, не сводимую к поздним когнитивным операциям. Однако эти подходы преимущественно описывают репрезентативное оформление опыта и не дают полной модели того, как символическая связность формируется во взаимодействии с ранней аффективной регуляцией и реляционными ожиданиями.

Существующие уровневые и интегративные модели личности

Представления о структурной, уровневой и интегративной организации личности уже получили разработку в психологии. Вместе с тем соответствующие подходы решали разные исследовательские задачи и исходили из разных оснований описания личности. Поэтому их сопоставление значимо для уточнения того, каким образом в предшествующих моделях осмыслялась связь аффективных, реляционных и символических аспектов опыта и ставился ли вопрос об их совместном рассмотрении в рамках единой ранней психической организации.

В концепции А. Ф. Лазурского личность описывается через соотношение внутреннего психического склада и системы отношений человека к окружающей среде. Различение эндопсихики и экзопсихики представляет собой ранний вариант структурного подхода, в котором внутренние свойства и формы связи с миром рассматриваются совместно. Вместе с тем модель Лазурского имеет широкий психосоциальный и типологический характер и

ориентирована на общую классификацию личностей, а не на выделение ранней организации опыта как специальной единицы анализа. Поэтому вопрос о взаимосвязи аффективной регуляции, межличностного ожидания и символизации в раннем опыте в ней специально не ставится [Лазурский 1922].

В теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина человек рассматривается как система относительно автономных разноуровневых подсистем, связанных между собой гибкими межуровневыми связями. Этот подход важен как пример последовательного системного и уровневого описания человека, подчеркивающего иерархичность и несводимость уровней друг к другу. Однако теория Мерлина относится к общей организации индивидуальности в целом и охватывает широкий круг биохимических, психодинамических, личностных и социально-психологических свойств. Ранняя аффективно-реляционно-символическая организация опыта не выделяется в ней как специальный предмет анализа [Мерлин 1986].

У Н. Мак-Вильямс уровни организации личности описываются в клиническом и структурно-психодинамическом плане через уровень личностной организации, характер защит, степень интеграции идентичности, качество объектных отношений и сохранность проверки реальности. Такая модель обладает выраженной диагностической и терапевтической ценностью, но относится прежде всего к структурному уровню функционирования личности в клиническом контексте. Поэтому данный подход значим как пример уровневого описания личности, однако его предметом является не ранняя организация опыта как таковая, а клиническая структура личности [McWilliams 2011].

В работах Д. МакАдамса личность осмысливается, в частности, через понятие нарративной идентичности - внутренней и развивающейся истории жизни, придающей опыту временную связность и чувство внутренней непрерывности. Этот подход относится к уже осмысленному, словесно оформленному и биографически организованному уровню самопонимания. Речь идёт о более поздней форме организации опыта по сравнению с довербальными аффективными и реляционными уровнями, предполагающей развитую рефлексивность и способность к повествовательному самоописанию. Поэтому нарративная идентичность не совпадает с тем более ранним уровнем организации опыта, который рассматривается в настоящем исследовании [McAdams 2018].

Таким образом, существующие модели уже описывали личность как структурную, уровневую или интегративную систему, однако решали иные исследовательские задачи: типологическое описание личности, общую системную организацию индивидуальности,

клиническую диагностику уровня функционирования или анализ поздней нарративной идентичности. На этом фоне предлагаемая рамка не претендует на замену этих подходов, а выделяет иной предмет анализа: раннюю организацию опыта, которая не сводится ни к общей типологии личности, ни к клиническому уровню функционирования, ни к поздней нарративной идентичности.

Рабочее определение ядра личности

Под «ядром личности» в настоящем исследовании понимается рабочий теоретический конструкт, обозначающий раннюю конфигурацию психической организации, в которой аффективная регуляция, ожидания в отношении другого и первичное символическое оформление переживания образуют взаимосвязанный способ организации опыта. Речь идёт не о содержании отдельных переживаний, убеждений или образов, а о способе их связывания, который формируется до становления устойчивой метарефлексии и сохраняет регуляторное значение в последующем психическом функционировании.

Необходимость данного конструкта связана с тем, что аффективная регуляция, ранние отношения и символическое оформление переживания обычно описываются в разных исследовательских традициях: как регуляторные контуры, внутренние рабочие модели привязанности или формы символизации и нарративной организации. Однако в развитии, клинике и психотерапии эти процессы нередко проявляются как взаимосвязанные компоненты одной организации опыта. Поэтому понятие ядра личности используется не для замены существующих понятий, а для описания устойчивой связи между аффективной оценкой, ожиданием другого и сценарно-символическим оформлением опыта. Именно эта связь, а не каждый компонент по отдельности, является предметом дальнейшего обоснования.

Основания для выделения ядра личности как единицы анализа

Выделение ядра личности как единицы анализа опирается не на отдельный признак, а на совокупность критериев, указывающих на наличие относительно самостоятельного уровня психической организации. В настоящем исследовании к таким критериям относятся раннее формирование, структурная устойчивость, регуляторный приоритет при эмоциональной нагрузке, совместное проявление аффективных, реляционных и символично-репрезентативных компонентов, несводимость к смежным конструктам и особая логика изменения. В совокупности эти критерии позволяют рассматривать раннюю

аффективно-реляционно-символическую организацию опыта не как перечень отдельных свойств и не как простое соседство нескольких процессов, а как устойчивый способ связи между регуляцией, опытом отношений со значимым другим и символическим оформлением переживания.

Раннее формирование

Первым критерием выделения ядра личности как единицы анализа является раннее формирование этой организации опыта. Рассмотренные выше данные о нейроразвитии и раннем стрессе позволяют говорить о том, что базовые параметры аффективной оценки - чувствительность к угрозе, безопасности и вознаграждению - начинают формироваться до зрелых префронтальных форм регуляции [Fareri & Tottenham 2016; Teicher et al. 2016; Caballero et al. 2023]. В логике настоящей модели это означает, что аффективно-телесный компонент организации опыта начинает складываться до устойчивых метарефлективных форм самопонимания и саморегуляции.

Наряду с этим раннее формирование касается и реляционного компонента. Данные о ко-регуляции показывают, что уже в первые месяцы жизни повторяющееся взаимодействие с фигурой заботы участвует в организации аффективных состояний ребёнка [Schore 2021]. В теории привязанности этот опыт связывается с формированием внутренних рабочих моделей как когнитивно-аффективных репрезентаций себя, другого и отношений [Luo et al. 2025]. Тем самым ранний опыт с самого начала имеет не только телесно-аффективный, но и реляционный характер.

Раннее развитие не ограничивается аффективным и реляционным контурами. Лонгитюдные данные показывают, что безопасность привязанности в младенчестве связана с последующими показателями символической игры и понимания психических состояний: дети с безопасной привязанностью лучше включали предложения взрослого в символическую игру в 31 месяц и чаще успешно выполняли задачи на понимание психических состояний в 4 года [Meins et al. 1998]. Позднее было показано, что материнская ориентированность на внутренние состояния ребёнка также связана с последующим пониманием психических состояний [Meins et al. 2002], а уместные комментарии матери о внутренних состояниях ребёнка в 6 месяцев связаны с показателями символической игры в 12 месяцев, при этом комментарии об эмоциях дополнительно связаны со зрелостью символической игры в 18 месяцев [Giovanelli et al. 2020]. Это позволяет рассматривать ранние предпосылки символизации как связанные с предшествующей аффективно-реляционной организацией опыта. Обзорные данные также показывают, что

символическая игра связана не только с когнитивным, но и с эмоциональным и социальным развитием [Gleason & White 2023].

Таким образом, ещё до становления устойчивой метарефлексии в развитии уже формируются аффективные, реляционные и ранние репрезентативные компоненты организации опыта [Fareri & Tottenham 2016; Teicher et al. 2016; Schore 2021; Luo et al. 2025; Giovanelli et al. 2020]. Это даёт основание рассматривать раннее формирование соответствующей конфигурации как первый критерий выделения ядра личности в качестве единицы анализа.

Структурная устойчивость

Вторым основанием для выделения ядра личности как единицы анализа выступает его структурная устойчивость. Существенным является не только раннее формирование соответствующей конфигурации, но и её сохранение в последующем развитии как относительно стабильного способа организации переживания, регуляции и отношений. В рамках теории привязанности это выражено в представлении о преемственности внутренних рабочих моделей, продолжающих направлять ожидания, интерпретации и характер последующих взаимодействий [Cassidy 2000]. Метааналитические данные показывают, что привязанность обнаруживает умеренную, но значимую устойчивость от младенчества к последующим этапам развития, а наблюдаемая форма этой устойчивости лучше согласуется с моделью сохранения ранних прототипов, чем с представлением о полном последовательном пересмотре ранних репрезентаций [Fraleay 2002]. В лонгитюдных исследованиях при этом показано, что стабильность привязанности от младенчества к подростковому и раннему взрослому возрасту сочетается с осмысленными изменениями, связанными с изменениями семейной среды, а не со случайной вариативностью [Waters et al. 2000].

Долговременное значение раннего опыта подтверждается и исследованиями неблагоприятного детского опыта. Проспективные данные показывают, что пережитые в детстве формы насилия, пренебрежения и утраты связаны с повышенным риском психических расстройств во взрослом возрасте [McKay et al. 2022]. Эти результаты не означают прямого тождества между ранним опытом и последующей психопатологией, однако указывают на долговременную значимость раннего неблагоприятного опыта для психического функционирования во взрослом возрасте.

Дополнительную опору предположению об устойчивых репрезентативных паттернах дают данные о ранних дезадаптивных схемах. Метааналитические результаты показывают, что схемы, связанные с небезопасностью, отвержением, нарушением автономии и

эмоциональной депривацией, статистически связаны с трудностями эмоциональной регуляции и алекситимией [Pilkington et al. 2024]. Это показывает, что в рамках схема-терапевтической модели устойчивые когнитивно-аффективные репрезентации себя и отношений статистически связаны с трудностями переработки и регуляции аффекта во взрослом функционировании.

Наконец, метааналитические данные показывают, что детская травматизация статистически связана со снижением ментализационной способности; при этом сила этой связи зависит от возраста и клинического статуса выборки [Yang & Huang 2024]. Это указывает на то, что ранний неблагоприятный опыт связан не только с аффективной регуляцией и привязанностью, но и с последующей репрезентативной переработкой опыта.

Таким образом, данные о преимуществах внутренних рабочих моделей, относительной стабильности паттернов привязанности, долговременных последствиях неблагоприятного детского опыта, связи ранних дезадаптивных схем с эмоциональной регуляцией и снижении ментализационной способности после детской травматизации согласуются с предположением о сохранении ранне сформированных способов организации переживания, отношений и репрезентативной переработки опыта. Эта относительная устойчивость составляет второе основание для выделения ядра личности как единицы анализа.

Регуляторный приоритет при эмоциональной нагрузке

Третьим основанием для выделения ядра личности как единицы анализа выступает его регуляторный приоритет при эмоциональной нагрузке. Речь идёт о том, что в условиях стресса, утраты, перегрузки или угрозы разрыва значимого контакта регуляция может смещаться к более ранним контурам организации опыта, тогда как более поздние когнитивные и рефлексивные формы оказываются менее устойчивыми.

Данные нейроразвития показывают, что системы, связанные с аффективной оценкой угрозы и вознаграждения, формируются раньше зрелых форм префронтального контроля и сохраняют существенную роль в организации поведения [Fareri & Tottenham 2016; Caballero et al. 2023]. В детстве ведущую роль играют подкорковые и фронтолимбические контуры, тогда как более зрелая интеграция с префронтальными системами складывается позднее [Caballero et al. 2023]. Это создаёт основание для предположения, что при высокой эмоциональной нагрузке ранние аффективные системы могут сохранять регуляторный приоритет по отношению к более поздним когнитивно-регуляторным формам. Показано также, что дефицит ранней заботы связан с изменением функционирования систем угрозы и вознаграждения, включая

повышенную чувствительность к угрожающим стимулам и нарушения оценки социально значимых сигналов [Fareri & Tottenham 2016].

Регуляторный приоритет проявляется и на реляционном уровне. Экспериментальные данные показывают, что в условиях угрозы у взрослых повышается доступность ментальных репрезентаций фигур привязанности, причём этот эффект специфичен именно для фигур, обеспечивающих безопасность и поддержку [Mikulincer et al. 2002]. Тем самым угроза активирует не только аффективный контур, но и реляционный уровень организации опыта. Это позволяет рассматривать реляционный уровень как самостоятельный компонент регуляции, связывающий переживание угрозы с ожиданием отклика, доступности или утраты другого.

На репрезентативном уровне сходная логика описана в работах по ментализации. Способность удерживать внутренние состояния в репрезентативной форме формируется в контексте привязанности и не является автономной по отношению к аффективной регуляции [Fonagy et al. 2002]. Современные модели нарушенной привязанности описывают, что при высокой аффективной активации, особенно в ситуации угрозы привязанности, переработка психического опыта смещается от более рефлексивных и когнитивно опосредованных форм к более быстрым, ригидным и преимущественно эмоциональным формам ментализации [White et al. 2020]. Это указывает на зависимость символично-репрезентативного уровня от состояния аффективно-реляционных контуров и на его нарушение при их дезорганизации.

Таким образом, данные нейроразвития, исследований привязанности и теории ментализации показывают, что при эмоциональной нагрузке более поздние рефлексивные формы регуляции могут уступать место более ранним аффективно-реляционным способам реагирования [Fareri & Tottenham 2016; Caballero et al. 2023; Mikulincer et al. 2002; Fonagy et al. 2002; White et al. 2020]. Это позволяет рассматривать регуляторный приоритет при перегрузке как третий критерий выделения ядра личности в качестве единицы анализа.

Совместное проявление и взаимосвязанность

Совместное проявление и взаимосвязанность аффективных, реляционных и символично-репрезентативных компонентов выступают ключевым основанием для выделения ядра личности как единицы анализа. Существенно не простое наличие этих компонентов, а их формирование и функционирование в виде связанной конфигурации опыта.

Рассмотренные выше данные позволяют выделить две линии такой связности. Во-первых, повторяющийся опыт ко-регуляции связывает телесно-аффективные состояния ребёнка с ожиданием доступности, отклика или недоступности другого [Schoore 2021; Luo et al. 2025]. Во-вторых, лонгитюдные исследования связывают безопасность привязанности и материнскую ориентированность на внутренние состояния ребёнка с последующим развитием символической игры и понимания психических состояний [Meins et al. 1998; Meins et al. 2002; Giovanelli et al. 2020]. Это указывает на то, что символично-репрезентативная переработка формируется не изолированно, а в связи с ранее сложившейся реляционной и аффективно-реляционной организацией опыта.

Дополнительный аргумент в пользу взаимосвязанности компонентов дают данные об их совместной дезинтеграции при неблагоприятном раннем опыте. У детей, переживших сексуальное насилие, связь травматизации с последующей диссоциативной симптоматикой опосредуется последовательной цепочкой: дезорганизованная привязанность связана с эмоциональной дисрегуляцией, а та, в свою очередь, связана с выраженностью диссоциативных симптомов через год [Hébert et al. 2020]. Исследования травматической памяти показывают, что травматический опыт первоначально сохраняется в виде сенсорно-аффективных фрагментов, а не связного повествования, причём формирование целостной репрезентации затруднено [Van Der Kolk & Fisler 1995]. В посттравматической игре при неблагоприятном опыте обнаруживаются повторяемость, гиперактивация и утрата перерабатывающей функции, при которой травматический материал воспроизводится в слабо преобразованной форме [D'Elia et al. 2022].

В совокупности эти данные согласуются с предположением, что аффективная регуляция, привязанность и символично-репрезентативная переработка развиваются и нарушаются не изолированно. Их совместное проявление позволяет рассматривать раннюю организацию опыта как связанную конфигурацию, а не как набор независимых функций.

Несводимость к соседним конструктам

Сопоставление со смежными конструктами необходимо для уточнения уровня анализа, на котором располагается предлагаемая модель. Речь идёт не о замене понятий темперамента, черт, привязанности, ментализации или схем, а о выделении такой конфигурации опыта, которая в этих подходах представлена частично. Темперамент описывает преимущественно параметры реактивности, черты - устойчивые феноменологические проявления, тогда как в настоящей работе рассматривается способ организации опыта, связывающий аффективную регуляцию, реляционные ожидания и символическое оформление переживания.

В рамках теории привязанности предметом анализа выступают паттерны отношений и внутренние рабочие модели, задающие ожидания, переживание безопасности и поведение в значимых взаимодействиях [Bowlby 1982; Cassidy 2000]. Однако в классической формулировке эти модели описывают прежде всего отношенческую организацию привязанности и доступности фигуры, а не единую аффективно-реляционно-символическую конфигурацию опыта.

В теории ментализации в центре находится способность представлять и интерпретировать психические состояния, формирующаяся в контексте привязанности и социального взаимодействия [Fonagy et al. 2002]. Этот подход связывает ментализацию с аффект-регуляцией и самоорганизацией, однако его фокус сосредоточен на репрезентации психических состояний, а не на ранней связанной организации аффекта, отношений и символического оформления переживания.

Когнитивно-схемные модели описывают ранние дезадаптивные схемы как устойчивые паттерны воспоминаний, эмоций, когниций, телесных ощущений и отношений с другими, формирующиеся на основе раннего опыта [Young et al. 2003]. Однако их фокус направлен на уже оформленные устойчивые паттерны и их терапевтическую модификацию, тогда как в настоящей работе рассматривается более ранняя организация опыта, связывающая аффективную регуляцию, реляционные ожидания и символическое оформление переживания.

Наконец, симптоматические и нозологические подходы фиксируют отдельные проявления нарушений, но не задают уровень организации, на котором формируются устойчивые способы регуляции, переживания и символизации опыта.

Таким образом, привязанность, ментализация и схемы описывают различные аспекты психического функционирования, однако не совпадают с тем уровнем анализа, который рассматривается в настоящей работе. Выделяемая аффективно-реляционно-символическая конфигурация охватывает раннее формирование, регуляторную функцию и структурную связность этих процессов, что позволяет рассматривать её как самостоятельную единицу анализа.

Особая логика изменения

Особая логика изменения рассматриваемого уровня состоит в том, что его перестройка не сводится к изолированному рациональному переосмыслению. Устойчивое

психотерапевтическое изменение связывается с обновлением ранее сформированных эмоциональных воспоминаний, семантических структур и способов реагирования, а не только с появлением новых суждений о себе и ситуации [Lane et al. 2015]. В этом смысле терапевтический процесс включает реактивацию значимого эмоционального материала и его последующую переработку.

Эта логика согласуется с данными о последовательной эмоциональной переработке в психотерапии. Показано, что продуктивные изменения связаны не с произвольным выражением аффекта, а с определённой динамикой эмоциональных состояний, предсказывающей положительный терапевтический исход [Pascual-Leone 2018]. Следовательно, изменение можно рассматривать не как одномоментный когнитивный сдвиг, а как процесс эмоциональной трансформации.

При этом такая перестройка не является только аффективной. В ментализационном подходе способность удерживать и интерпретировать внутренние состояния рассматривается как формирующаяся в контексте привязанности и аффект-регуляции [Fonagy et al. 2002]. Более поздние работы описывают психотерапевтическое изменение через распознавание и отражение субъективного переживания пациента терапевтом, усиление ментализации, восстановление эпистемического доверия и возобновление социального обучения [Fonagy et al. 2019]. Это позволяет рассматривать терапевтическое взаимодействие как одно из условий устойчивой перестройки.

Изменение затрагивает и репрезентативную организацию опыта. В нарративной экспозиционной терапии терапевтическая работа включает не только эмоциональную экспозицию к травматическим воспоминаниям, но и их организацию в связное хронологическое автобиографическое повествование [Robjant & Fazel 2010]. Для настоящей модели это важно как указание на то, что переработка прежнего паттерна предполагает не только аффективную активацию, но и восстановление связности переживания.

Клинические исследования показывают также, что длительная психотерапия затрагивает не только симптоматический уровень, но и более устойчивые параметры личностного функционирования. В рандомизированном исследовании амбулаторной психотерапии при пограничном расстройстве личности улучшения касались не только специфической симптоматики, но и общего психопатологического функционирования, качества жизни и личностных параметров [Giesen-Bloo et al. 2006]. Исследование механизмов изменений дополнительно показало, что снижение выраженности пограничной патологии связано с изменениями в способах саморегуляции, переживания уязвимости и избегающего

совладания, что согласуется с предположением о перестройке более глубокой внутренней организации, а не только отдельных симптомов [Yakin et al. 2026].

Таким образом, изменение рассматриваемого уровня предполагает реактивацию ранее сформированного эмоционального материала, его переработку в межличностном контексте и восстановление более связной репрезентативной организации опыта.

Внутренняя организация ядра личности

Выделение ядра личности как самостоятельной единицы анализа требует уточнения его внутренней организации. Если выше были рассмотрены основания для его выделения, то далее описывается структура ранней аффективно-реляционно-символической конфигурации. В рамках предлагаемой модели она включает три взаимосвязанных уровня: аффективно-телесный, уровень ранней социальной организации и мифо-символический.

Эти уровни различаются по тому, в какой форме организуется переживание: как первичная аффективно-телесная оценка значимости, как ожидание другого и собственной позиции во взаимодействии или как сценарно-символическая конфигурация переживания и действия. При этом речь идёт не о трёх изолированных функциях, а о внутренне связанной организации, в которой каждый уровень задаёт особую форму оформления переживания.

Структура ядра личности

При нагрузке регуляторный приоритет смещается к нижележащим уровням

Рис. 1. Модель трёхслойной организации ядра личности

Аффективно-телесный уровень

Аффективно-телесный уровень представляет базовый контур первичной регуляции, включающий валентность переживания, уровень возбуждения и первичную оценку среды по оси «угроза-безопасность». Речь идёт не о совокупности отдельных состояний, а об относительно устойчивом способе первичной организации переживания и реагирования, который задаёт селекцию значимости ещё до включения рефлексивной переработки. Данный уровень задаёт исходный режим реактивности и связан с ранним опытом регуляции аффекта, стрессовой нагрузки и ко-регуляции возбуждения, в результате чего складывается относительно устойчивый паттерн базового реагирования. В отличие от темперамента, описывающего преимущественно биологически обусловленные параметры реактивности, аффективно-телесный уровень в данной модели понимается как организация этих параметров в контексте раннего опыта регуляции. При эмоциональной нагрузке именно этот уровень сохраняет наибольший регуляторный приоритет, задавая исходную форму ответа и материал для последующей переработки на более поздних уровнях организации. Наблюдаемыми индикаторами выступают преобладающий режим реактивности, характер снижения напряжения и тенденция к автоматизированным формам ответа при перегрузке. Клинически уязвимость этого уровня может проявляться в чрезмерной аффективной реактивности, трудностях восстановления после возбуждения, склонности к замиранию, избеганию или импульсивной разрядке напряжения.

Уровень ранней социальной организации

Уровень ранней социальной организации представляет способ организации опыта, при котором регуляция уже осуществляется через отношение к другому, но ещё не опирается на речь, понятийное мышление и устойчивую рефлексивную интерпретацию. Он складывается в повторяющемся взаимодействии со значимым другим и включает внутренние рабочие модели себя и другого, ожидания доступности и отклика в отношениях, а также ранние способы переживания себя во взаимодействии с другим. Центральной единицей организации на этом уровне выступает ожидание другого и собственной позиции во взаимодействии. Если аффективно-телесный уровень задаёт первичную валентность и интенсивность переживания, то уровень ранней социальной организации связывает это переживание с фигурой другого и переводит его в устойчивый межличностный контекст. Формирование данного уровня

связано с повторяющимся опытом раннего взаимодействия, в котором устойчивость или нестабильность отклика взрослого постепенно закрепляется в форме устойчивых способов ожидания, интерпретации и переживания отношений. При эмоциональной нагрузке этот уровень проявляется в актуализации ранних моделей взаимодействия и устойчивых ожиданий доступности и отклика другого. Наблюдаемыми индикаторами выступают повторяемость реляционных паттернов, характер ожиданий от другого, типичные способы поддержания, избегания или разрыва контакта, а также склонность интерпретировать отношения через устойчивые схемы доступности, недоступности, принятия или отвержения. Клинически уязвимость этого уровня может проявляться в устойчивом ожидании отвержения, недоступности или угрозы со стороны другого, в трудностях обращения за поддержкой, удержания контакта и переноса межличностной неопределённости.

Мифо-символический уровень

Мифо-символический уровень представляет такую организацию опыта, при которой переживание приобретает первичную сюжетно-ролевую форму: в нём выделяются повторяющиеся позиции, ожидания и способы действия, через которые субъект организует отношение к себе, другому и происходящему. Под «мифо-символическим» здесь понимается до-метарефлексивная и допонятийная форма смысловой организации: «миф» используется не в культурологическом или религиозном значении, а как обозначение первичной сценарной структуры, в которой аффект и реляционный опыт оформляются через образы, роли и повторяющиеся сюжеты. Если аффективный уровень задаёт интенсивность переживания, а реляционный - рамку «я-другой» и ожидание отклика, то мифо-символический уровень связывает их в относительно устойчивый сценарий переживания и действия.

Одним из базовых пространств формирования этого уровня выступает игра. Именно в игре ребёнок получает возможность не просто разрядить возбуждение, а удержать его, преобразовать и придать ему форму. Благодаря этому переживание становится доступным для символического опосредования: внутреннее состояние может быть вынесено во внешний план, разыграно, смещено на образ или роль и тем самым включено в более устойчивую организацию опыта. Тем самым мифо-символический уровень закрепляет аффективно-реляционные конфигурации в форме повторяющегося сценария и обеспечивает переход от переживания к организованному способу действия. При эмоциональной нагрузке он проявляется как приоритет сценарной формы переживания и действия, в рамках которой аффективные и реляционные ожидания получают устойчивую смысловую конфигурацию. Наблюдаемыми индикаторами данного уровня выступают устойчивые сюжетные

конфигурации, повторяемые модели действия, способы символического оформления напряжения и повторяющиеся ролевые позиции в отношениях. Клинически его уязвимость проявляется в фрагментации переживания, снижении связности внутреннего опыта, трудностях символического оформления аффекта и нарушении сценарной организации, связывающей аффект, значение и действие.

Логика формирования и связывания уровней

В предлагаемой модели уровни ядра личности не рассматриваются как последовательные стадии, полностью сменяющие друг друга. Они формируются асимметрично, продолжают сосуществовать и обеспечивают последовательное усложнение формы, в которой организуется переживание.

В онтогенетическом плане одним из наиболее ранних уровней организации становится аффективно-телесная организация переживания: валентность, уровень возбуждения и первичная оценка среды по оси «угроза-безопасность» [Fareri & Tottenham 2016; Teicher et al. 2016]. Однако уже на ранних этапах развития эта аффективная организация включена в ко-регуляцию со значимым другим: телесно-аффективное состояние ребёнка связывается с ожиданием доступности, отклика или отсутствия другого [Schore 2021; Luo et al. 2025].

Дальнейшее усложнение связано с символическим оформлением повторяющегося аффективно-реляционного опыта. Лонгитюдные данные связывают безопасность привязанности и материнскую ориентированность на внутренние состояния ребёнка с последующим развитием символической игры и понимания психических состояний [Meins et al. 1998; Meins et al. 2002; Giovanelli et al. 2020]. В терминах предлагаемой модели это позволяет предположить, что на мифо-символическом уровне аффект, ожидание другого и способ действия получают первичное игровое, образное и сюжетно-символическое оформление [Stern 1985; Winnicott 1971].

Таким образом, логика формирования уровней может быть описана как последовательное усложнение формы организации переживания: первичная аффективная оценка включается в реляционное ожидание, а реляционно организованный опыт получает символично-сценарное оформление. Такое связывание уровней понимается не как установленный эмпирический механизм, а как теоретическая реконструкция возможной интеграции раннего опыта.

При этом более ранние уровни не исчезают с формированием более поздних. Они сохраняют регуляторное значение и могут получать приоритет при высокой эмоциональной нагрузке. Эта логика согласуется с данными о постепенном созревании фронтолимбических контуров и позднем формировании более зрелых префронтальных форм регуляции [Caballero et al. 2023]. Современная концептуальная модель нарушенной и дезорганизованной привязанности предполагает, что при высокой аффективной активации, особенно в ситуации угрозы разрыва или недоступности значимого другого, переработка психического опыта может смещаться от более когнитивно-рефлексивных форм к быстрым, ригидным и преимущественно эмоциональным формам ментализации [White et al. 2020].

Поэтому возможно расхождение между вербализованной оценкой ситуации и фактическим способом реагирования: субъект может понимать ситуацию как безопасную или не тождественную прошлому опыту, но переживать её через более раннюю аффективно-реляционно-символическую конфигурацию. В рамках предлагаемой модели такое расхождение означает, что ранняя организация опыта сохраняется не только как прошлое содержание, но и как действующий способ регуляции, интерпретации и сценарного оформления переживания.

Клинические и исследовательские следствия

Предлагаемая рамка имеет наибольшую аналитическую ценность в тех областях, где связность аффективных, реляционных и репрезентативно-символических процессов проявляется особенно отчётливо: в раннем развитии, психопатологии и психотерапии. Она позволяет рассматривать нарушения и изменения не по одному изолированному параметру, а на уровне их совместной организации. В трансдиагностической перспективе это даёт возможность описывать не только отдельные симптомы, но и повторяющиеся сочетания нарушений аффективной регуляции, реляционных ожиданий и репрезентативно-символической организации переживания при разном нозологическом оформлении.

В клинической плоскости такая логика особенно заметна в исследованиях ранней травматизации и диссоциации. В лонгитюдных данных показано, что ранняя психологическая недоступность матери и дезорганизованная привязанность в первые два года жизни предсказывали последующую диссоциацию сильнее, чем показатели хронической травматизации [Lyons-Ruth et al. 2006]. Сходным образом у детей дошкольного возраста, переживших сексуализированное насилие, дезорганизованная привязанность и

эмоциональная дисрегуляция последовательно опосредовали связь между травматизацией и диссоциативной симптоматикой [Hébert et al. 2020]. Это позволяет рассматривать клиническую дезинтеграцию не как сумму независимых нарушений, а как связную траекторию, в которой ранняя реляционная дезорганизация усиливает трудности регуляции аффекта и повышает вероятность диссоциативного способа совладания.

Клиническую наглядность такой совместной дезинтеграции дают исследования отдельных случаев. В судебно-психиатрическом случае у пациента с множественной ранней травматизацией наблюдалось сочетание диссоциативных состояний, высокой эмоциональной интенсивности, нарушенного контроля импульса и выраженных межличностных трудностей. В выводах авторы подчёркивают необходимость работы с травматическим опытом, идентичностью, реляционными паттернами и эмоциональной регуляцией. Для настоящего исследования этот случай значим как клиническая иллюстрация того, что при травматически обусловленной клинической дезорганизации аффективные и реляционные нарушения, а также диссоциативные нарушения интеграции опыта могут выступать совместно [Scognamiglio et al. 2024].

В терапевтической плоскости рамка позволяет формулировать вопрос не только о снижении отдельных симптомов, но и о совместной перестройке аффективных, реляционных и репрезентативных компонентов опыта. Эмпирические данные по лечению пограничного расстройства личности показывают, что длительная психотерапия может затрагивать не только специфическую симптоматику, но и общее психопатологическое функционирование, качество жизни и личностные параметры [Giesen-Bloo et al. 2006].

В этой логике терапевтическая перестройка может быть представлена как последовательность: реактивация ранее сформированного аффективного паттерна, новый интерсубъективный ответ и последующая репрезентативно-символическая переработка опыта (рис. 2).

Таким образом, клинические и исследовательские следствия предлагаемой рамки связаны с возможностью изучать не только отдельные нарушения регуляции, привязанности или символизации, но и их совместную дезинтеграцию и перестройку. Это задаёт переход к вопросу об ограничениях модели и направлениях её дальнейшей проверки.

Терапевтическая перестройка

Принцип: устойчивые изменения требуют (1) реактивации паттерна, (2) нового intersубъективного результата, (3) сценарного закрепления.

Рис. 2. Терапевтическая перестройка: реактивация аффективного паттерна - intersубъективный ответ - **репрезентативно-символическая переработка**

Ограничения и программа дальнейшей проверки

Предлагаемая рамка имеет постановочный и теоретический статус. Основное ограничение связано с тем, что используемые данные описывают отдельные связи между ранней аффективной регуляцией, реляционной организацией и символической переработкой, но пока не позволяют установить структуру и направленность их взаимодействия как единой системы. Наиболее уязвимым в эмпирическом отношении остаётся мифо-символический уровень, поскольку его операционализация менее однородна, чем в исследованиях аффективной регуляции и привязанности [Giovanelli et al. 2020; Gleason & White 2023; Cowan et al. 2021]. Кроме того, рамка применима прежде всего к нормативному и клиническому развитию при отсутствии грубых органических поражений ЦНС, тяжёлых нарушений нейроразвития и выраженных генетических синдромов.

Дальнейшая проверка модели может идти по трём основным направлениям. Во-первых, необходимы лонгитюдные исследования, которые позволят проверить, связаны ли ранние

показатели аффективной регуляции, реляционной организации и символической переработки в единой траектории развития; исходные опоры для такой постановки дают работы о связи безопасности привязанности и материнской ориентированности на внутренние состояния ребёнка с последующим пониманием психических состояний и символической игрой [Meins et al. 1998; Meins et al. 2002; Giovanelli et al. 2020]. Во-вторых, в клинических выборках может быть проверено, связана ли выраженность психопатологической симптоматики не только с отдельными нарушениями, но и с совместной выраженностью аффективной дисрегуляции, реляционной дезорганизации и нарушений репрезентативной интеграции опыта [Lyons-Ruth et al. 2006; Hébert et al. 2020]. В-третьих, в психотерапевтических исследованиях может быть изучено, сопровождается ли устойчивое улучшение совместной перестройкой аффективных, реляционных и репрезентативных компонентов опыта, а не только снижением выраженности отдельных симптомов [Lane et al. 2015; Fonagy et al. 2019; Giesen-Bloo et al. 2006].

На этой основе могут быть сформулированы предварительные проверяемые предположения: степень межуровневой дезинтеграции может соотноситься с выраженностью аффективной дисрегуляции, нарушениями привязанности и снижением нарративной связности; качество ранней символической организации может быть связано с последующей интеграцией аффекта в подростковой и взрослой идентичности; устойчивые терапевтические изменения могут сопровождаться не только снижением симптоматики, но и совместной перестройкой аффективных, реляционных и репрезентативных компонентов опыта. При высокой эмоциональной нагрузке у лиц с низкой межуровневой интеграцией можно ожидать усиления физиологической реактивности, снижения ментализации и фрагментации повествования.

Заключение

В статье предложена теоретическая рамка, в которой ранняя аффективная регуляция, реляционный опыт и первичное символическое оформление переживания рассматриваются как компоненты единой организации опыта. Основной вклад работы состоит в уточнении формы, в которой ранний опыт может сохраняться и воспроизводиться: не только как аффективная чувствительность, паттерн привязанности, когнитивная схема или нарративная структура, а как связанная конфигурация телесно-аффективного реагирования, ожидания другого и сценарного оформления переживания. Такая постановка позволяет рассматривать психическое развитие, клиническую дезинтеграцию и терапевтическое изменение на уровне совместной организации этих компонентов. Предложенная рамка имеет теоретический

характер и требует дальнейшей операционализации в лонгитюдных, клинических и психотерапевтических исследованиях.

Литература

Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Пб.: Гос. изд., 1922

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. Москва: Педагогика; 1986.

Bowlby J. Attachment and Loss: Vol. 1. Attachment. London: Hogarth Press.; 1982.

Caballero C, Nook EC, Gee DG. Managing fear and anxiety in development: A framework for understanding the neurodevelopment of emotion regulation capacity and tendency. *Neurosci Biobehav Rev.* 2023;145:105002. DOI:10.1016/j.neubiorev.2022.105002

Cassidy J. Adult Romantic Attachments: A Developmental Perspective on Individual Differences. *Rev Gen Psychol.* 2000;4(2):111–31. DOI:10.1037/1089-2680.4.2.111

Fraley R.C. Attachment Stability From Infancy to Adulthood: Meta-Analysis and Dynamic Modeling of Developmental Mechanisms. *Personal Soc Psychol Rev.* 2002;6(2):123–51. DOI:10.1207/S15327957PSPR0602_03

Cowan H.R, Mittal VA, McAdams DP. Narrative identity in the psychosis spectrum: A systematic review and developmental model. *Clin Psychol Rev.* 2021;88:102067. DOI:10.1016/j.cpr.2021.102067

D’Elia D, Carpinelli L, Savarese G. Post-Traumatic Play in Child Victims of Adverse Childhood Experiences: A Pilot Study with the MCAST—Manchester Child Attachment Story Task and the Coding of PTCP Markers. *Children.* 2022;9(12):1991. DOI:10.3390/children9121991

Fareri D.S, Tottenham N. Effects of early life stress on amygdala and striatal development. *Dev Cogn Neurosci.* 2016;19:233–47. DOI:10.1016/j.dcn.2016.04.005

Fonagy P, Gergely G, Jurist EL, Target M. Affect Regulation, Mentalization, and the Development of the Self. New York: Other Press.; 2002. DOI.org/10.4324/9780429471643

Fonagy P, Luyten P, Allison E, Campbell C. Mentalizing, Epistemic Trust and the Phenomenology of Psychotherapy. *Psychopathology.* 2019;52(2):94–103. DOI:10.1159/000501526

Giesen-Bloo J, Van Dyck R, Spinhoven P, Van Tilburg W, Dirksen C, Van Asselt T, et al., Outpatient Psychotherapy for Borderline Personality Disorder: Randomized Trial of Schema-Focused Therapy vs Transference-Focused Psychotherapy. *Arch Gen Psychiatry*. 2006;63(6):649. DOI:10.1001/archpsyc.63.6.649

Giovanelli C, Di Dio C, Lombardi E, Tagini A, Meins E, Marchetti A, et al., Exploring the relation between maternal mind-mindedness and children's symbolic play: A longitudinal study from 6 to 18 months. *Infancy*. 2020;25(1):67–83. DOI:10.1111/inf.12317

Gleason T.R, White RE. Pretend play as abstraction: Implications for early development and beyond. *Neurosci Biobehav Rev*. 2023;147:105090. DOI:10.1016/j.neubiorev.2023.105090

Goldstein Ferber S, Trezza V, Weller A. Early life stress and development of the endocannabinoid system: A bidirectional process in programming future coping. *Dev Psychobiol*. 2021;63(2):143–52. DOI:10.1002/dev.21944

Hébert M, Langevin R, Charest F. Disorganized attachment and emotion dysregulation as mediators of the association between sexual abuse and dissociation in preschoolers. *J Affect Disord*. 2020;267:220–8. DOI:10.1016/j.jad.2020.02.032

Lane R.D, Ryan L, Nadel L, Greenberg L. Memory reconsolidation, emotional arousal, and the process of change in psychotherapy: New insights from brain science. *Behav Brain Sci*. 2015;38:e1. DOI:10.1017/S0140525X14000041

Luo Y, vanMarle K, Groh AM. The Cognitive Architecture of Infant Attachment. *Perspect Psychol Sci*. 2025;20(5):958–99. DOI:10.1177/17456916241262693

Lyons-Ruth K, Dutra L, Schuder MR, Bianchi I. From Infant Attachment Disorganization to Adult Dissociation: Relational Adaptations or Traumatic Experiences? *Psychiatr Clin North Am*. 2006;29(1):63–86. DOI:10.1016/j.psc.2005.10.011

McAdams DP. Narrative Identity: What Is It? What Does It Do? How Do You Measure It? *Imagin Cogn Personal*. 2018;37(3):359–72. DOI:10.1177/0276236618756704

McKay M.T, Kilmartin L, Meagher A, Cannon M, Healy C, Clarke MC. A revised and extended systematic review and meta-analysis of the relationship between childhood adversity and adult psychiatric disorder. *J Psychiatr Res*. 2022;156:268–83. DOI:10.1016/j.jpsychires.2022.10.015

McWilliams. *Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process*. 2nd ed. New York: Guilford Press; 2011.

Meins E, Fernyhough C, Russell J, Clark-Carter D. Security of Attachment as a Predictor of Symbolic and Mentalising Abilities: A Longitudinal Study. *Soc Dev*. 1998;7(1):1–24. DOI:10.1111/1467-9507.00047

Meins E, Fernyhough C, Wainwright R, Das Gupta M, Fradley E, Tuckey M. Maternal Mind–Mindedness and Attachment Security as Predictors of Theory of Mind Understanding. *Child Dev*. 2002;73(6):1715–26. DOI:10.1111/1467-8624.00501

Mikulincer M, Gillath O, Shaver PR. Activation of the attachment system in adulthood: Threat-related primes increase the accessibility of mental representations of attachment figures. *J Pers Soc Psychol*. 2002;83(4):881–95. DOI:10.1037/0022-3514.83.4.881

Northrup JB, Nuske HJ, Hipwell AE, Mazefsky CA. Review and Developmental Model: Early Childhood Emotion Regulation and Co-Regulation in Autism. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. 2025 DOI:10.1016/j.jaac.2025.07.1063

Pascual-Leone A. How clients “change emotion with emotion”: A programme of research on emotional processing. *Psychother Res*. 2018;28(2):165–82. DOI:10.1080/10503307.2017.1349350

Pilkington PD, Karantzas GC, Faustino B, Pizarro-Campagna E. Early maladaptive schemas, emotion regulation difficulties and alexithymia: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Psychother*. 2024.;31(1):e2914. DOI:10.1002/cpp.2914

Robjant K, Fazel M. The emerging evidence for Narrative Exposure Therapy: A review. *Clin Psychol Rev*. 2010;30(8):1030–9. DOI:10.1016/j.cpr.2010.07.004

Schore A.N. *Affect Regulation and the Repair of the Self*. New York: W. W. Norton.; 2003.

Scognamiglio C, Sorge A, Borrelli G, Perrella R, Saita E. Exploring the connection between childhood trauma, dissociation, and borderline personality disorder in forensic psychiatry: a comprehensive case study. *Front Psychol*. 23 февраль 2024 г.;15:1332914. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1332914

Stern D.N. *The Interpersonal World of the Infant*. New York: Basic Books.; 1985.

Stoodley CJ. The Cerebellum and Neurodevelopmental Disorders. *The Cerebellum*. 2016;15(1):34–7. DOI:10.1007/s12311-015-0715-3

Teicher M.H, Samson JA, Anderson CM, Ohashi K. The effects of childhood maltreatment on brain structure, function and connectivity. *Nat Rev Neurosci.* 2016;17(10):652–66. DOI:10.1038/nrn.2016.111

Van Der Kolk B.A, Fisler R. Dissociation and the fragmentary nature of traumatic memories: Overview and exploratory study. *J Trauma Stress.* 1995;8(4):505–25. DOI:10.1002/jts.2490080402

Waters E, Merrick S, Treboux D, Crowell J, Albersheim L. Attachment Security in Infancy and Early Adulthood: A Twenty-Year Longitudinal Study. *Child Dev.* 1 май 2000 г.;71(3):684–9. DOI:10.1111/1467-8624.00176

White LO, Schulz CC, Schoett MJS, Kungl MT, Keil J, Borelli JL, и др. Conceptual Analysis: A Social Neuroscience Approach to Interpersonal Interaction in the Context of Disruption and Disorganization of Attachment (NAMDA). *Front Psychiatry.* 23 декабрь 2020 г.;11:517372. DOI:10.3389/fpsy.2020.517372

Winnicott D.W. *Playing and Reality.* London: Tavistock Publications.; 1971.

Yakın D, Uijtewaal J, Plooiij P, Jacob GA, Lee CW, Brand-de Wilde OM, et al., Schema modes as mechanisms of change in treating borderline personality disorder: A model replication study. *J Behav Ther Exp Psychiatry.* 2026;90:102074. DOI:10.1016/j.jbtep.2025.102074

Yang L, Huang M. Childhood maltreatment and mentalizing capacity: A meta-analysis. *Child Abuse Negl.* март 2024 г.;149:106623. DOI:10.1016/j.chiabu.2023.106623

Young J.E, Klosko JS, Weishaar ME. *Schema Therapy: A Practitioner’s Guide.* New York: Guilford Press.; 2003.